

ЖИВАЯ СТАРИНА

ЭГОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ФОЛЬКЛОРУ И ЭТНОГРАФИИ

- Школьная автобиография рубежа XIX–XX вв. как этнографический источник
- Похоронно-поминальный обряд «харбинцев» Орегона

ФОЛЬКЛОР И РЕЛИГИЯ

- Тюремные духовные стихи в Тамбовской области

Форма для литья
(Архангельская губерния)

ЭКСПЕДИЦИИ

- Поминальный стол в хуторе Сарычёвском Волгоградской области

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. В. Морозов.</i> Навстречу V Всероссийскому конгрессу фольклористов	2
ЭГОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ФОЛЬКЛОРУ И ЭТНОГРАФИИ	
<i>А. Б. Мороз.</i> Из рукописи И. М. Митягова «На память потомкам. Воспоминания о деревне Каргополья»	3
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Сведения по традиционной народной культуре из дневника Кирилла Вознюка (переселенца с Волыни, проживавшего в Аргентине)	6
<i>Е. Г. Жидкова.</i> Письмо о семейной истории	9
<i>Т. Моррис (Юмсунова).</i> Похоронно-поминальный обряд у «харбинцев» Орегона (личность и письма старовера)	13
<i>М. В. Ахметова.</i> Школьная автобиография рубежа XIX–XX вв. как этнографический источник	17
ФОЛЬКЛОР И РЕЛИГИЯ	
<i>Д. И. Антонов.</i> Апроприация силы и незримое «тело» святыни: исследования актуальных религиозных практик в постсоветской России	20
<i>Д. И. Антонов.</i> Священный мусор: практики ритуализированной утилизации в современной церковной традиции	21
<i>Д. И. Антонов, С. М. Тюнина.</i> Утилизация освященных предметов: тексты и комментарии	24
<i>Д. И. Антонов, Д. Ю. Доронин.</i> Советская икона: от рождения до «похорон»	29
<i>Д. Ю. Доронин.</i> Святыня как семиотический комплекс: распространенная благодать	33
<i>Д. Ю. Доронин, А. И. Завьялова.</i> Распространенная благодать: тексты и комментарии	39
<i>Е. В. Воронцова.</i> Тюремные духовные стихи в Тамбовской области	43
<i>И. С. Бутов.</i> «Вот где “чудо” бы состряпать: обновить отцов лет на пять...» (антирелигиозные частушки и стихи об обновлениях икон 1920–1930-х гг.)	47
БЫТ — СИМВОЛ — ВЕЩЬ	
<i>О. Г. Баранова.</i> «В руках всё рождается»: предметы поморского быта	51
<i>В. А. Шилкин.</i> Полотенце-рушник в традиционной культуре Волжского Понизовья и Подонья	54
ЭКСПЕДИЦИИ	
<i>В. А. Шилкин.</i> Поминальный стол в хуторе Сарычёмском Волгоградской области	57
ПАМЯТИ УЧЕНЫХ	
<i>О. В. Белова.</i> Памяти Виктора Гершоновича Смолицкого (1926–2021)	60
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ	
<i>М. М. Валенцова.</i> Всякая душа празднику рада	61
<i>О. В. Белова, В. Я. Петрухин.</i> Человек рассказывающий	64
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	
<i>Л. В. Фадеева.</i> Конференция «Мастер и традиция»	66
<i>И. С. Дмитриевская, В. И. Саяпина, С. П. Сельченкова.</i> Конференция «Русское инородное: внутри и вне границ фольклора»	69

Издание осуществлено при поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проект реализован при финансовой поддержке ООГО «Российский фонд культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

2022 год — Год культурного наследия народов России

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения,
Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения,
профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор,
Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

ВСЯКАЯ ДУША ПРАЗДНИКУ РАДА

J. Zajonc. Svätí s menom Valentín a sviatky zamilovaných. — Bratislava: VEDA, 2020. — 152 s.

В современном глобализованном мире мы обмениваемся не только товарами, идеями, болезнями, но и праздниками. Всем известны и в разной степени отмечаются английский (кельтский) Хэллоуин, американский День сурка, католическое Рождество или китайский Новый год. Но, пожалуй, одним из наиболее известных и любимых в Европе и Америке, а с 1990-х гг. и в России и странах Восточной Европы является день св. Валентина, или День всех влюбленных, появившийся как светский праздник в средневековой Англии.

История возникновения, распространения и изменения содержания и празднования дня св. Валентина в разных странах интересна и неоднозначна. Эта история и стала предметом изучения в книге Юрая Зайонца «Святые с именем Валентин и праздники влюбленных».

Автор книги — научный сотрудник Института этнологии и социальной антропологии Словацкой академии наук (Братислава), этнолог, историк этнологии в Словакии, специалист по словацкой народной культуре, знаток традиционного ткачества, вышивки и других видов ручного текстильного производства, один из авторов «Энциклопедии народной культуры Словакии» (Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava, 1995). Книга написана на словацком языке, но имеет резюме на немецком и английском языках; к сожалению, русское резюме отсутствует, что дает мне основания для более широкого освещения содержания исследования.

Цель монографии автор определил так: «На основе исторических и этнологических сведений и этнографических данных о способах празднования дня св. Валентина дать ясный и цельный образ праздника на отдельных этапах его развития в Европе» (с. 10).

Книга состоит из семи глав. В первой главе предпринимается попытка выяснить, какому именно святому с именем Валентин посвящен праздник 14 февраля. Анализируются сведения из мартирологов и житий, а также легенды о жизни и чудесах трех святых: Валентина Римлянина, Валентина из Ингерамны (Терни) (оба казнены 14 февраля) и Валентина из Реции (дни памяти 7 января и 4 августа, в Швейцарии и Тироле также 14 февраля), описываются иконография святых и сферы их патроната.

Тексты о Валентине Римляnine и Валентине из Терни схожи, почти идентичны (дата смерти, способ казни, чудесные исцеления и т.п.), в легендах образы

святых смешиваются и взаимозаменяются. Поэтому высказывались мнения, что речь идет об одном человеке, т.е. что два жития — это две версии одного текста. Одни исследователи считают, что реальной персоной был Валентин из Рима, другие — что Валентин из Терни. До сих пор неясно, существовало ли в действительности два Валентина. Валентин из Реции благодаря своему имени также был наделен по аналогии многими чертами первых двух Валентинов: в частности, он тоже считается патроном эпилептиков и защитником от этой болезни, которая называется также *болезнью святого Валентина*. Таким образом, как показал Ю. Зайонц, в образе святого соединяются моменты из жизни всех трех Валентинов.

Из-за малого количества надежных сведений Второй Ватиканский собор 1962 г. исключил из Римского мартиролога Валентина из Терни, а в 1969 г. оба Валентина были исключены из Всеобщего римского календаря (литургическое празднование дня 14 февраля осталось лишь в местных календарях), а день 14 февраля превратился из дня св. Валентина, священника и мученика, в день памяти мученической смерти св. Валентина Римлянина.

Интересно, что в житиях св. Валентинов нет сведений об их связи с любовью, браком, охраной семьи. Эти мотивы появляются только в народных легендах, порой уже более поздних. В них, например, рассказывается, что Валентин тайно венчал римских воинов, которым император Клавдий запретил вступать в брак; или о том, что тот или другой Валентин исцелил слепую (или глухую) девушку — дочь судьи (или дочь префекта или тюремщика), влюбился в нее и перед казнью написал ей записку, подписав: «Твой Валентин», и т.п.

Во второй главе рассматривается отношение дня св. Валентина к обычаям и празднованиям античного Рима, которые иногда рассматриваются как его предшественники. Речь идет о луперкалиях (праздновались 15 февраля), характерной чертой которых было «безудержное празднование с пивом и беспорядочным сексом». Папа Геласий I запретил луперкалии и установил в 496 г. празднование дня св. Валентина как образец христианского праздника любви. Ю. Зайонц на основе анализа материала делает вывод, что связь происхождения дня св. Валентина с обычаями Древнего Рима проблематична и неправдоподобна.

В третьей главе прослеживается возникновение праздника св. Вален-

тина как дня влюбленных. В фокусе внимания Ю. Зайонца поэма Дж. Чосера «Птичий парламент» (The Parliament of Fowls, 1380–1382) — наиболее раннее упоминание о связи весеннего спаривания птиц с днем св. Валентина и одновременно «первое письменное упоминание о св. Валентине как патроне любви, точнее, о связи дня св. Валентина с романтической любовью» (с. 36). Автор обсуждает также гипотезы и выводы, сделанные в работах американских специалистов по литературе Средневековья и Возрождения Дж. Б. Оруча и Г. А. Келли, соглашаясь с ними в том, что в поэме речь, видимо, идет не о февральском Валентине, а о Валентине из Генуи, память которого отмечалась 2 мая, что соответствует описанию цветущей и зеленеющей природы в поэме Чосера. Таким образом, Чосера можно считать создателем валентинской любовной традиции.

В четвертой главе рассказывается о вариантах празднования св. Валентина и о значении этого праздника в тех странах, где он распространился (анализируется период от возникновения праздника до конца XVIII в.).

Прежде всего, речь идет о праздновании памяти Валентина на Британских островах, поскольку именно оно впоследствии стало основой валентинских праздников в Северной Америке и в других странах и на других континентах. Возникнув в конце XIV в. в приливной культуре Англии, праздник распространился оттуда во Францию, Испанию, Германию и Голландию, а в XVII в. попал на американский континент. К концу XVIII в. празднование дня св. Валентина в Европе затухает.

Ю. Зайонц использует для исследования личную корреспонденцию жителей Европы и их дневниковые записки, в которых описываются обычаи Валентинова дня, например, выбор «валентина» и «валентины» (выбирать могли по предварительному договору, по жребию, брали в «валентины» первого встречного), гадания о замужестве, описываются подарки этого дня, поэтические поздравления.

Интересно, что в качестве валентинских даров использовались соломенные фигурки, изготавливаемые девушками, — обычай, корни которого уходят в кельтскую культуру Шотландии и Ирландии. Фигурки одевали в платье, шитые из кусочков ткани собственной одежды, и дарили парням. Эти действия являлись реликтом старого обычая, когда из снопа соломы девушки делали антропоморфную фигуру, одевали, украшали и носили по домам; хозяева их одаривали. Ритуал был частью февральского праздника *Imbolc*, совершавшегося в начале февраля и помещавшегося в календаре посредине между зимним солнцеворотом и весенним равно-

денствием. Праздник был посвящен кельтской богине, известной как Бриг, Бригид, которая покровительствовала кузнецам, врачевателям и поэтам (с. 57).

В Англии на Валентина девушки, чтобы увидеть во сне будущего мужа, «сеяли» в полночь, бросая через плечо, девять горстей конопляного семени. Съедали на ночь вареное яйцо, из которого вынимали желток, а вместо него насыпали соль. Или клали под подушку два лавровых листа, окропленных розовой водой, надевали чистую сорочку, вывернутую наизнанку, и обращались к Валентину с просьбой, чтобы он показал во сне будущего мужа (с. 58). Гадали также по поведению и голосам животных. Некоторые из этих способов гаданий были известны славянам и приурочены к периоду зимних Святок.

В пятой главе в центре внимания автора трансформации в праздновании св. Валентина в Европе в конце XVIII в., включая начало его коммерциализации, а также процессы, которые привели к формированию современного вида праздника в США. Анализ базируется на опубликованных работах, содержащих этнографические данные, на исторических и этнологических трудах, касающихся Великобритании и США, на прямых источниках (например, журнальных публикациях) того времени (с. 11). Согласно им, с конца XVIII в. в Британии валентинские традиции сохранялись лишь фрагментарно, а во Франции праздник и вовсе стали запрещать. Празднование всё более отдалялось от придворной романтической формы. В речитативах во время обходных обрядов в этот день появляются прямые просьбы одарить (например: «Дайте мне кусок калача и бокал вина»), что превращает валентинские обходы в форму традиционного колядования.

Значительные изменения праздника вызвала его коммерциализация: публикация текстов стихотворных благопожеланий для открыток-валентинок, которые стали в больших количествах отправляться почтой, новые подарки — коробка с шоколадом в форме сердца и т.п. Так валентинские обычаи стали включаться в массовую культуру.

В начале XIX в. обычаи дня св. Валентина были известны в США, правда, до 1840 г. они осознавались как английские, не местные и несвойственные американцам; порой празднование 14 февраля просто игнорировали. Однако к 1849 г. праздник стал общеамериканским. Немаловажную роль в этом сыграла коммерческая революция (книжки стишков-поздравлений, подарки).

В шестой главе описывается возвращение праздника на европейский континент в XX в. и его распространение. Для этого периода доступно больше данных, поэтому, как пишет Ю. Зайонц, была возможность идентифицировать

каналы, по которым попадала в Европу информация о празднике, проследить отношение дня св. Валентина к традиционным праздникам стран, в которых он распространился.

Помимо этнографических работ использовались «живые» интернет-данные (поиск по тегу «день св. Валентина» и название страны). Эти сведения были предварительно обработаны и объединены в подборку «Праздник Валентина и другие праздники любви в Европе (1900–2020) — интернет-источники», хранящуюся в Институте этнологии и социальной антропологии САН в Братиславе¹.

Итак, в XX в. день св. Валентина вернулся из США (где он был официальным днем влюбленных с 1907 г.) в Европу. В Великобритании в начале прошлого века всё еще были в обычае гадания по записочкам с именами знакомых, вытягиваемым представителями противоположного пола; гадания по первой встрече в день св. Валентина.

Автор правильно определил причину нераспространения новой волны празднования дня св. Валентина в странах Центральной и Восточной Европы как социально-политическую. Праздник не отмечали в странах социалистического содружества, считая его связанным с религией (назван в честь святого), американским, коммерческим и капиталистическим. Только с начала 1990-х гг., после распада СССР и всего соцлагеря, праздник начал распространяться в странах Восточной Европы, в том числе благодаря сотрудникам иностранных фирм, посредством культурной информации при изучении английского языка, через туризм. Много для продвижения праздника сделали фирмы, продающие цветы и сласти. Организовывались также валентинские балы (аналог карнавалов или масленичных танцев и балов).

Интересно наблюдение автора, что в странах бывшего соцблока праздник был воспринят быстрее, чем в странах Западной Европы, в связи с тем, что появилась «открытость к влиянию стран Западной Европы и США». Добавим: не только открытость, но и прямая пропаганда жизненных благ в странах Европы и США, описывающая всё западное как более прогрессивное и демократическое. Не исключены и психологические причины — разрешенный доступ к ранее запрещенному, сдерживаемому, чужому.

В седьмой главе рассматриваются распространение, восприятие и формы празднования дня св. Валентина в Европе в XX и XXI вв. При ее написании автор также основывался на анализе интернет-источников. Здесь мы найдем информацию о том, кто и как отмечает день св. Валентина, что дарят, как используется «валентинская почта» (в школах) и каковы специфические ва-

лентинские подарки (конфеты, пряники, вышитые платочки); как происходят знакомства и формирование пар; как проводят время влюбленные.

Ю. Зайонц отмечает, что гадания в этот день совершенно исчезли. В Финляндии и Эстонии 14 февраля вообще отмечается как «день друга», или «день дружбы, любви и хорошего настроения», а на Балканах это скорее праздник вина, поскольку в это время подрезают виноградные лозы (праздник виноградарей Трифон Зарезан, выпадающий на 14 февраля по юлианскому календарю), но также не забывают и про любовь.

14 февраля совершается много венчаний и бракосочетаний, например на Украине; на интернет-сайтах это объясняется тем, что молодые люди «считают хорошим знаком соединить сердца в день святого Валентина». Однако думается, что глубинная причина в другом. День св. Валентина как дата заключения брака стал актуальным благодаря времени празднования — он приходится на период традиционной Масленицы, времени свадеб и народных гуляний. Описанная ситуация на Украине скорее говорит о том, что люди подсознательно следуют родным вековым традициям.

Кроме того, как пишет Ю. Зайонц, анализ материала показал, что 14 февраля в Европе отмечаются два праздника. Один связан чаще всего с именем Валентина и «посвящен любовным отношениям, включая партнеров одинакового пола», второй (в Эстонии и Финляндии) отмечает дружеские отношения и может считаться инновацией, развитием первого (с. 98). Проявление симпатий и любви может касаться также родственников, друзей, близких людей и сослуживцев. Во всех случаях способ празднования одинаковый: проявление симпатии путем одаривания и отправления приветствий. Католическая церковь видит значение праздника Валентина в любви между Богом и человеком, созданным по образу Божьему.

С днем св. Валентина и его идеей любви связаны и другие мероприятия. Во-первых, акция «Международная неделя супружества» (с 1996 г.), которая объединяет всех приверженцев брака; в программе недели дебаты, лекции и т.п., чаще всего в костелах. Во-вторых, неофициальный праздник незамужних, холостяков и одиноких людей. В Западной Европе День одиноких был введен в 2011 г. как юмористический праздник (13, 14 или 15 февраля), как бы дополнение ко дню св. Валентина, день любви к себе, но также и любви между друзьями и родственниками. В Корее и Японии он называется «Черный день» и отмечается 14 апреля. Как пишет автор, одинокие празднуют его, чтобы маркировать свой статус, статус неженатого человека, и показать, что можно быть счастливым и без партнера.

Оценка дня св. Валентина и его восприятие отличается в разных странах. В некоторых странах празднование Валентинова дня расценивается как американизация европейской культуры или вестернизация культуры стран Восточной Европы. День св. Валентина воспринимается то как праздник, объединяющийся с местными праздниками, посвященными любви, то как их новый и чужой конкурент (так, например, в Румынии ему противопоставлен собственный праздник *Dragobete*, а в России — День семьи, любви и верности, 8 июля). Автор делает вывод, что «праздник Валентина является примером феномена, который служит декларированию отношения и принадлежности какой-либо страны к европейским традициям или же традициям западной культуры» (с. 108).

Думается, что и вывод, и сама постановка вопроса методологически неверны. Действительно, существуют культурные диалекты, границы которых не всегда совпадают с политическими (административными) границами, а нередко образуют более крупные ареалы на основе наличия/отсутствия какого-то культурного элемента. Можно говорить о западнославянских, германских, западноевропейских или даже общеевропейских праздниках, мотивах, концептах. Но в данном случае мы имеем дело не с народным в своей основе европейским праздником, а с искусственно созданным придворным католическим праздником, который не был характерным для западноевропейской народной культуры, но лишь в течение длительного времени воспринимал традиционные элементы народных праздников. Также нельзя судить о принадлежности культуры той или иной страны к европейским традициям по одному-единственному празднику, тем более если установление его празднования затрагивает более существенные вопросы, касающиеся различия христианских конфессий. Приведенные в книге примеры «трудного» восприятия дня св. Валентина — в Болгарии, Румынии, России — относятся именно к православным странам (Православная церковь отмечает память Валентина Римлянина 6 июля, а память Валентина из Терни 30 июня). Замена дня Валентина Днем дружбы в Финляндии и Эстонии может быть объяснена распространением в этих странах протестантизма (лютеранства и евангелизма).

В Заключении рецензируемой книги дается краткий обзор истории и развития форм празднования дня св. Валентина в Европе и краткий экскурс в историю его усвоения в Америке.

В книге имеются указатель имен, предметный и географический указатели, она богато иллюстрирована и еще хороша тем, что наводит на размышле-

ния. В первую очередь о создании новых праздников и их переходе в разряд народных, об устойчивости традиционных этнокультурных элементов, о традиционных и нетрадиционных ценностях, о проницаемости культурных границ и инновациях и т.п.

День св. Валентина, зародившийся в дворцовой культуре в конце XIV в. на Британских островах, приобретал черты, свойственные празднику народного календаря, долго и постепенно. Но уже первые упоминания празднования, связанного с образованием любовных пар, включали элементы традиционной духовной культуры. Так, в Британии существовало представление, что между девушкой и первым неженатым мужчиной, которого она увидит в день св. Валентина, возникнет любовь. Или «валентином» и «валентиной» станут первый парень (девушка), которого случайно встретит девушка (парень) на улице в этот праздник. В народном календаре широко сакрализуется всё первое (еда, посетитель, действия, звуки) не только на праздники, но и в семейной обрядности и других сегментах народной духовной культуры. У славян также хорошо известно гадание о супружестве по имени первого парня, встреченного девушкой, выбегавшей на улицу сразу после рождественского ужина с первым блином (галушкой, куском пирога).

Английские гадания, приуроченные ко дню св. Валентина, напоминают европейские новогодние или рождественские девичьи гадания о замужестве. Сходство с новогодними персонажами имеют Дед Валентин и Баба Валентина (*Old Father Valentine and Old Mother Valentine*), которые одаривали детей подарками и сластями (с. 75) и в образе которых угадываются Санта-Клаус или Дед Мороз с соответствующей спутницей.

Отношения, возникавшие в день св. Валентина, длились весь год или до ближайшего праздника, партнеры назывались «Валентин» и «Валентина», и, если это были неженатые парень и девушка, их отношения могли перейти в любовные. Но и в традиционном народном календаре были подобные праздники. Вспомнить хотя бы восточнославянское троичное «кумение» — дружбу, продолжавшуюся нередко до следующей Троицы; при этом девушки при выборе подруги целовались через венок, а называли друг друга «кума» (кумитесь могли и парни между собой, женщины, мужчины и парни с девушками и мужчины с девушками); эти обычаи представляют аналогию валентинским «партнерским» отношениям.

В народной среде, куда праздник проник к концу XVII в., он начал жить по законам народного календаря. Например, появились валентинские обходы села и домов, главным образом детьми: с этим днем, например, у чехов были

связаны запреты на прядение, шитье, вязание — из опасения заболеть эпилепсией. Запрещалось отлучать теленка от коровы, иначе теленок заболел бы «валентинской болезнью»; не подкладывали яиц под гусыню; ребенок, рожденный в этот день, будет «валентинским», т.е. слабым, больным; не ездили в лес, чтобы не случилось несчастья. Так праздник оказался вписанным в общий контекст февральских праздников, связанных с концом зимы, недостатком пищи и кормов, опасностями болезней и несчастий, а его название стало мотивирующим для номинации реалий (*valentínska nemoc, valentínské dítě*). Во многом день св. Валентина стал аналогом дня св. Матфея (24 февраля) у чехов и словаков, который отмечается у них с целью предотвратить рождение нездорового потомства у людей и животных и сопровождается многочисленными запретами.

Близко массовому сознанию и формированию праздников, соотносимых с днем св. Валентина — по имени и семантике: *Galentine's Day*, праздник дружбы между женщинами, хоть и фиктивный, появившийся в комедийном английском телесериале, но быстро ставший популярным праздником в США и Великобритании (с. 114), или по противоположной семантике: День одиноких людей, День холостяков, День друга.

День св. Валентина, в свою очередь, внес вклад в традиции тех народов, которые его восприняли. Так, чехи и словаки считают, что в этот день существует опасность заболеть эпилепсией при нарушении запретов в день св. Валентина (аллюзия на защиту св. Валентином эпилептиков), а способы девичьих гаданий о замужестве по записочкам с именами парней имеют сходства с описанными выше английскими. Например, в Великобритании в день св. Валентина девушки вклеивали записочки в глину и клали в воду, наблюдая, какой комочек всплывет первым (с. 59). Чешские и словацкие девушки гадали в рождественский период, вкладывая записочку с именем парня в вареники (галушки) при их изготовлении: с каким именем вареник всплывет при варке первым, такое имя будет у будущего мужа.

К сожалению, в книге встречаются курьезные оговорки. Например, на с. 91 среднерусский Нижний Новгород назван западнорусским — видимо, перепутан с Великим Новгородом (однако возможно, что это ошибка в цитируемом источнике). Постоянно повторяется фраза «в странах бывшей Восточной Европы» или «бывшей Западной Европы» — в связи с убеждением, что по окончании Второй мировой войны «европейские страны оказались разделенными на Западную и Восточную

Европу» (с. 111). Поскольку стороны света не могут быть бывшими, ибо не зависят от изменения политического режима и человеческой воли, надо думать, что имеются в виду, конечно, страны бывшего социалгея в Центральной и Восточной Европе и страны Западной Европы. Но замеченные неточности не умаляют общего благоприятного впечатления от книги.

Исследование Юрая Зайонца является образцом тщательной проработки выбранной этнографической темы на материале, охватывающем широкий ареал и значительный временной отрезок, автор использует большое число разнообразных источников на разных языках — всё это вместе обеспечило ему получение надежных, достоверных результатов.

Примечания

¹ *Zajonc J. Sviatok Valentin a iné sviatky lásky v Európe (1900–2020) — internetové zdroje. 2020 (Vedecká zbierka textov ÚESA SAV. Inv. č. 1507).*

М. М. Валенцова,
кандидат филологических наук,
Институт славяноведения РАН
(Москва)

ЧЕЛОВЕК РАССКАЗЫВАЮЩИЙ

В. Л. Янин. О себе и о других. — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 368 с.: ил.

Два года прошло после смерти В. Л. Янина, академика, возглавившего кафедру археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова вслед за ее основателем и учителем большей части московских археологов А. В. Арциховским. Унаследовал В. Л. Янин и руководство созданной Арциховским Новгородской экспедицией. Уже это наследие делало Янина обладателем «живого архива» — свидетельство «устной истории»; этим архивом В. Л. пользовался не менее виртуозно, чем берестяными грамотами, нумизматическими и сфрагистическими коллекциями. В. Л. отличало яркое афористичное мышление. Одному из авторов этого обзора довелось присутствовать в начале 2000-х в высоком кремлевском кабинете, где на встрече с историками среди прочих поднимался вопрос о том, как ныне можно понимать выражение «мать городов русских», в Начальной летописи адресованное Киеву: В. Л. Янин, патриот Великого Новгорода, резюмировал тогда, что ему достаточно знать, «кто отец» (городов).

Живой интерес Янина к происходящему и свойственное ему чувство юмора характеризуют поражающую разнообразием «копилку сюжетов», изданную в книге. Янин любил рассказывать в естественной обстановке, во время частых неформальных встреч с коллегами, обычных и в Новгородской экспедиции, и в кабинетном академическом кругу, но, как правило, не выдерживал он и занудства официозных заседаний и докладов, оживляя их общением с соседями. Он «оправдывался» тем, что не любит длинных докладов: «Докладчик там что-то говорит, а мы сидим и треплемся». Многие услышанные от В. Л. Янина истории «уходили в народ»: пересказывались его коллегами, учениками, друзьями, становясь «фольклором академического сообщества».

Е. А. Рыбина, автор предисловия, отмечает, что В. Л. никогда не вел дневниковых записей и не писал мемуаров, но «в какой-то счастливый момент В. Л. пришла мысль записать свои устные

рассказы», так появилась в его архиве папка под названием «Мемо». В последние годы жизни мысль о публикации рассказов занимала В. Л., он думал о структуре и содержании будущей книги. И вот книга «О себе и о других» пришла к читателям — благодаря большой работе составителей (в первую очередь Е. А. Рыбиной), коллег и друзей рассказы В. Л. увидели свет в авторской редакции, передающей и особый янинский стиль и интонацию.

Книга состоит из пяти частей: «О себе» (биографические рассказы о детстве, школьных и студенческих годах, аспирантуре и истории, произошедшие с самим Яниным; отдельный раздел составили археологические «Новгородские истории», участником и свидетелем которых был В. Л.); «О других» (истории об ученых, деятелях литературы и искусства); «Разное» (занимательные истории, часть из которых была «подарена» В. Л. его друзьями и коллегами); «В мире языка» (языковые казусы, тонко и с удовольствием подмечавшиеся В. Л.); «Ненаучные сочинения» (в том числе его стихотворные переложения новгородских грамот).

В этом обзоре мы особо хотели бы обратить внимание на сюжеты из коллекции В. Л., связанные с традиционным и городским фольклором, а также с «бродячими» мотивами академических баек.

С русским фольклором юный В. Л. познакомился благодаря своему деду, Степану Ефимовичу Маслову, который до революции был церковным старостой в селе Илкодино (ныне не существует; Шатурский район Московской области). Дед рассказывал байку о глуховатом Илье Пророке, которого Бог посылал к людям с дождем (вариант сюжета СУС-752С* *Глухой заместитель Бога — св. Петр*): «Лети туда, где просят», а глухой Илья полетел туда, где косят; «Лети туда, где ждут», а Илья летит туда, где жнут; Бог велит лететь туда, где пыль, а Илья летит туда, где был (с. 15)».

От деда в семье было усвоено четверостишие: «Св. Георгий во бою едет на

серу коню, держит в ружьях копие, тычет змия в ж-пие» (с. 15)².

В 1937 г. дед В. Л. был арестован по доносу односельчанина якобы за расшифровку аббревиатуры ВКП(б) (Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики)) как «Второе крепостное право (барщина)»³ и в 1938 г. скончался в одном из мордовских лагерей; реабилитирован в 1964 г. «за отсутствием состава преступления» (с. 16). В. Л. вспоминает еще одну популярную в 1930-е гг. расшифровку аббревиатуры ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление): «О, Господи! Помоги убежать!» — «Убежишь — поймут, голову оторвут!» (с. 13).

Политический фольклор бытовал и в детской среде. В. Л. рассказывает, как в 1937 г. его мама, учительница орехово-зуювской школы, знакомясь с первоклашками, спросила, кто из них может прочесть какое-нибудь стихотворение. Моментально откликнулся один мальчик: «Кто сказал, что Ленин умер? Я вчера его видал. Мимо нашего подъезда без порток он пробежал» (с. 17)⁴. К счастью, присутствовавший на уроке инспектор районного отдела народного образования не сопроводил «опасный инцидент» доносом...

А вот «политическое воспоминание» самого В. Л.: «Пока родители на работе, я слушаю радио. А когда они возвращаются, рассказываю им последние новости: «Папа! Мама! Енукидзе сняли!» — «За что же его сняли?» — «А он аппарат засорил!» — «Какой аппарат?» — «Какой еще? Наверное, фотографический!»» (с. 13). Вот так, наверное, рождается фольклор.

Еще один фольклорный сюжет видится в рассказе В. Л. о подготовке к 60-летию члена-корреспондента АН СССР, археолога и этнографа С. П. Толстова. Из юбилейного сборника была изъята статья его друга и однокурсника Ю. А. Рапопорта об обычаях масагетов, описанных Геродотом. Редактор обнаружил, что среди обычаев был и такой: «...когда члену племени исполнялось 60 лет, его умерщвляли, варили в котле с бараниной и съедали всем родственным коллективом» (с. 225). В фольклоре славян известны многочисленные версии мирового сюжета «Мудрость старика спасает царство» / «Почему